

СЕМЬ ДНЕЙ ВЪ КОМЕНДАНТСКОМЪ УПРАВЛЕНИИ.

I.

ВЪ КОНЦѢ восьмидесятихъ годовъ, когда я еще самостоятельно издавалъ и редактировалъ журналъ «Лучъ», помнится, въ ноябрѣ явился ко мнѣ очень приличнаго вида, но нѣсколько озабоченный и взволнованный, штабъ-офицеръ, отрекомендовавшійся полковникомъ Савицкимъ.

Онъ мотивировалъ такъ свой визитъ.

Его мать, тоже вдова полковника, постоянно живущая въ Варшавѣ, подавала прошеніе о пособіи. Случилось это въ лѣтніе мѣсяцы. Не получая отвѣта, она написала сыну, прося узнать о результатахъ ходатайства. По справкамъ, наведеннымъ полковникомъ Савицкимъ въ октябрѣ, оказалось, что пособіе его матери назначено и уже отослано въ Варшаву. Онъ увѣдомилъ объ этомъ мать и направилъ за полученіемъ денегъ въ управленіе варшавскаго оберъ-полицеймейстера, тогда полковника Бутурлина. Далѣе Савицкій разсказалъ, что уже въ ноябрѣ мать написала ему вторично, что была нѣсколько разъ въ управленіи оберъ-полицеймейстера; два раза ей отвѣтили, что никакого пособія ей нѣтъ, а въ третій разъ грубо выпроводили.

— Мало ли васъ тутъ такихъ шляется!—сказали ей.—Будутъ еще всякой пособія выдавать!.. Ничего вамъ нѣтъ—и не будетъ. Нечего и ходить.

Изъ официальной справки, предъявленной мнѣ Савицкимъ, я увидѣлъ, что деньги отосланы въ Варшаву подлежащимъ учрежденіемъ, болѣе полутора мѣсяца назадъ. Гдѣ же онѣ находились?

— Чего же вы отъ меня желаете?—спрашиваю Савицкаго.

— Напечатайте обо всемъ этомъ. Вѣдь это же возмутительно.

— Обратитесь въ которуюнибудь изъ ежедневныхъ газетъ.

— Обращался. Ни одна не рѣшается. Боятся запрещенія розничной продажи по жалобѣ Бутурлина, а вашъ «Лучъ» все равно розницы не имѣетъ и съ этой стороны не уязвимъ. Подумайте: не одна моя мать терпитъ отъ задержекъ денегъ мелкими сошками оберъ-полицеймейстерскаго управленія. Много такихъ... А Бутурлинъ, къ которому обратилась съ жалобой моя мать, и слышать не хочетъ о возможности у него такихъ злоупотребленій.

Доводы полковника Савицкаго показались мнѣ основательными, и я, уступая его просьбамъ, написалъ и въ ближайшемъ номерѣ напечаталъ рѣзкую статью подъ заголовкомъ: «Жалуется царь, да не жалуется царь»...

Статья была, что называется, черезчуръ. Каюсь: такая ужъ у меня манера писать, усвоенная еще во дни сотрудничества въ приснопамятномъ журналѣ Г. Е. Благосвѣтлова «Дѣло». Но я въ виду не имѣлъ украшать Бутурлина (вскорѣ, впрочемъ, уволенного) нелестнымъ эпитетомъ, а просто привелъ общеупотребительную пословицу, относя ее къ тѣмъ мелкимъ полицейскимъ сошкамъ, которыя скрывали пособіе.

Въ статьѣ моей говорилось, что по Петровскому указу за сокрытіе царской милости виновнаго полагалось шельмовать: натянуть на деревянную кобылу и бить шелепами ¹⁾. Указъ этотъ не отмѣненъ, но по гуманности, присущей нашей эпохѣ, уже болѣе не примѣняется. «Все же виновнаго въ сокрытіи царской милости,—писалъ я,—шельмовать слѣдуетъ, хотя бы и болѣе современнымъ способомъ; имя его подлежитъ опубликованію на всеобщій позоръ и осужденіе»...

Черезъ двѣ недѣли Савицкій зашелъ и увѣдомилъ меня, что варшавская полиція вызвала его мать и, съ извиненіями въ задержкѣ, выдала ей деньги. Онъ очень горячо благодарилъ меня за статью, но прибавилъ:

— Кажется, Бутурлинъ подалъ на васъ жалобу.

Не прошло и мѣсяца, какъ я очутился подъ судомъ за диффамацию.

— Почему же не за клевету?—спросять.

Потому, что, обвиненный въ клеветѣ, я могъ бы представить письменные документы, очень непріятные для жалобщика.

¹⁾ Шелеповать—измѣненное шельмовать.

На судѣ я защищался самъ. Знакомыхъ адвокатовъ у меня не имѣлось; я никогда не чувствовалъ симпатіи къ этому сословію, за плату охотно представляющему черное бѣлымъ и наоборотъ. Что касается платы денегъ незнакомымъ адвокатамъ, то лишнихъ денегъ у меня не было. О судьбищахъ распространяться не стану. Правосудіе отнеслось ко мнѣ очень снисходительно, приговоривъ всего къ ста рублямъ штрафа, съ замѣною семью днями ареста въ случаѣ несостоятельности. Пока дѣло прошло всѣ инстанціи, минуло нѣсколько лѣтъ. «Лучъ» ускользнулъ изъ моего вѣдѣнія; всѣмъ, кромѣ литературной части, распорядился покойный уже нынѣ Мих. Мих. Сне—скій, человѣкъ не дурной, но до крайности легкомысленный. За печатаніе журнала я долженъ былъ типографщику Евдокимову (нынѣ за растрату какихъ-то благотворительныхъ суммъ лишенному правъ состоянія) нѣсколько тысячъ. И вотъ С—скій и онъ отобрали у меня изданіе (хозяйственную часть), но редакторомъ я продолжалъ оставаться.

С—скій отказался внести за меня штрафныхъ сто рублей. Онъ божился, что у него такихъ денегъ нѣтъ, и до извѣстной степени это была правда.

Получивъ, какъ замѣнившій меня, широкій кредитъ на бумагу у В. П. Печаткина, онъ взглянулъ на кредитъ съ своей оригинальной точки зрѣнія: сталъ забирать бумагу въ усиленной пропорціи и, постепенно нуждаясь въ деньгахъ, сбывалъ излишекъ по дешевой цѣнѣ жидкамъ типографщикамъ. Кромѣ того, онъ бланкировалъ у Печаткина и еще у кое-кого свои векселя на значительныя суммы въ расчетѣ на грядущую подписку. Продѣлывалось это съ непонятнымъ легкомысліемъ, а что пріобрѣталось, тратилось безъ дальнихъ думъ. С—скій частенько сидѣлъ безъ гроша. Подписка на «Лучъ» была все еще не дурна. Куда же дѣвались деньги?

Я уже сказалъ, что С—скій былъ легкомысленъ. Онъ занималъ большую квартиру на Невскомъ; пышно меблировалъ ее; поставилъ въ кабинетѣ чучелъ и какихъ-то горшковъ, за которые платилъ по сто и болѣе рублей; спальня у него была обита персидскими шалами и, какъ у кокотки, уставлена полдюжиной огромныхъ зеркалъ. Имѣлъ онъ двухъ секретарей и собственный, обильно снабженный винами и ликерами погребъ. Кажется, онъ содержалъ одновременно чуть ли не трехъ подругъ жизни, а у подѣзда помѣщенія редакціи постоянно дежурили или рысакъ или щегольская коляска. Около него толкалась цѣлая фаланга прихвостней, наталкивавшая слабохарактернаго человѣка на нелѣпыя траты и пользовавшаяся при этомъ.

На мои представленія, что такіе порядки могутъ плохо кончиться, жуиръ только отшучивался и увѣрялъ, что у него, какъ нѣкогда у французскаго генерала Трошу, имѣется «свой» планъ, и

все отлично устроится. Относительно уплаты за меня 100 рублей штрафныхъ онъ успокаивалъ меня, говоря, что торопиться не къ чему.

— Подойдетъ подписка, получу деньги—и заплачу.

Что за типъ былъ въ сущности этотъ С—скій, лучше всего даетъ понятіе слѣдующій инцидентъ.

Онъ не былъ литераторомъ, и, конечно, въ литературномъ мірѣ его никто не зналъ. На юбилей «Петербургскаго Листка», явившись въ литературную семью, онъ, расфранченный, надушенный и даже слегка подмалеванный, съ орденомъ на шеѣ и въ шикарномъ фракѣ, взиралъ на скромную братію свысока и возбудилъ любопытство:

— Кто это такой? — спрашивали. — Писатель?!

— Да, писатель.

— Что же онъ пишетъ?

— Векселя...

Теперь немало такихъ писателей, но тогда онъ былъ почти «уника», и шутка возбудила общій смѣхъ.

II.

Былъ очень прескверный осенній день. Жилъ я на Моховой, въ меблированныхъ комнатахъ—пріютѣ цирковыхъ артистовъ; въ одномъ изъ своихъ романовъ я и описалъ эти комнаты очень типичныя. Обстоятельства мои тогда были тѣсныя и скверныя. Жаль было «Луча», мною основаннаго, моими трудами достигшаго довольно широкой извѣстности, и вотъ, вотъ готового погаснуть, и, что еще хуже, въ немъ уже работали, несмотря на мои протесты, несимпатичныя мнѣ личности: нѣкій Гейнце, М. Майковъ и разныя дамы, явно заимствовавшія свои романы и повѣсти изъ иностранныхъ литературъ. Тогда плагиатъ не успѣлъ еще войти въ домашній обиходъ писателей извѣстной марки.

— Къ тебѣ пришелъ околоточный, — сказала мнѣ жена, открывая дверь кабинета.

— Околоточный! А зачѣмъ?

— Не знаю. Принесъ какую-то бумагу.

Бумага оказалась приглашеніемъ пристава пожаловать къ нему для объясненій по важному дѣлу.

Надѣваю пальто и иду.

— Ты поторопись вернуться. Пора обѣдать, — говорить мнѣ жена на прощаніе.

— Вернусь черезъ полчаса. До участка десять шаговъ.

По губамъ околоточнаго надзирателя мелькнула загадочная улыбка. Но я не обратилъ на это вниманія.

Въ участкѣ приставъ просить обождать въ особой комнатѣ. Жду. Хочу спросить, долго ли мнѣ еще ждать. Пытаюсь отворить дверь—заперта.

— Что бы это значило? Неужели я подѣ арестомъ?

Время было тревожное. Все можно было предполагать. Но я напрасно ломаю голову, усиливаясь дознать причину моего внезапнаго ареста. О приговорѣ суда къ штрафу въ 100 рублей (не уплаченному) и о замѣнѣ его арестомъ на гауптвахтѣ по дѣлу Бутурлина я давнымъ давно забылъ. Со дня перваго судебного рѣшенія прошло болѣе двухъ лѣтъ.

Проходитъ часъ, сижу взаперти и томлюсь неизвѣстностію. Наконецъ дверь отворилась; вошелъ приставъ.

— За что вы меня арестовали?—спрашиваю.

— А это вамъ скажутъ тамъ, куда я васъ сейчасъ отошлю,—отвѣчаетъ онъ.

— Куда же вы меня отошлете?

— Въ комендантское управленіе.

Часъ отъ часу не легче.

— Позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, зайти домой, взять вещи и успокоить жену.

— Не могу. Изъ комендантскаго управленія письмо напишете. Тамъ это въ правѣ разрѣшить, а я не могу.

Меня взорвало.

— Человѣкъ вѣдь вы?—спрашиваю его.—Не предупредивъ, вы завлекли меня сюда. У меня больная жена... Что она теперь переноситъ? И за что все это?

Улыбнулся только приставъ и пожалъ плечами.

Очутился въ канцеляріи комендантскаго управленія—большой свѣтлой комнатѣ, наполненной писарями. Здѣсь совсѣмъ инымъ духомъ вѣяло, и не было никакой таинственности.

Можно судить, какое волненіе я испытывалъ, пока везъ меня околоточный, подозрительно наблюдавшій, чтобы я какъ нибудь не улизнулъ, пока въ канцеляріи комендантскаго управленія раскрыли мнѣ тайну ареста.

Тогдашнія горькія впечатлѣнія улетучились, и теперь становится даже смѣшно, когда вспомнишь тогдашніе мои страхи. Но, сидя въ закрытомъ экипажѣ съ угрюмымъ бутаремъ, отмалчивавшимся на всѣ мои вопросы, и перебирая свои воспоминанія, въ тщетныхъ поискахъ открыть причины ареста, я страдалъ и физически и нравственно, боялся за близкихъ мнѣ людей, боялся за то, что вотъ они останутся безъ средствъ, лишась моихъ заработковъ, если арестъ мой будетъ продолжителенъ

.

— Васъ арестовали по приговору суда, по дѣлу Бутурлина, и вы у насъ просидите всего семь сутокъ,—улыбаясь сказалъ мнѣ молодой офицеръ, младшій сынъ бывшаго военного министра Ванновскаго, служившій тогда, кажется, плацъ-адъютантомъ.

— Только-то!—и я вздохнулъ свободно.

— А можно мнѣ послать отсюда съ письмомъ когонибудь?—спрашиваю.

— Отчего же нельзя? Пишите.

— Письмо мое предварительно отсылки будутъ читать?

— Ни въ какомъ случаѣ. Пишите, что хотите.

— Я редактирую журналъ. Кромѣ жены, свиданье съ которой прошу мнѣ разрѣшить, еще мнѣ необходимо видаться съ секретаремъ редакціи. Можно это устроить?

— А вотъ я о вашей просьбѣ сейчасъ доложу коменданту, генералу А—ну.

Офицеръ вернулся и объявилъ, что комендантъ разрѣшилъ съ женой два свиданья въ день и одно съ секретаремъ редакціи.

— Васъ посадятъ, такъ приказалъ генералъ А—нъ, въ тотъ самый номеръ, въ которомъ нѣкогда содержался арестованный Лермонтовъ. У насъ этотъ номеръ такъ и называется литераторскимъ,—добавилъ плацъ-адъютантъ и передалъ меня унтеръ-офицеру для водворенія по назначенію.

III.

Номеръ, въ которомъ содержался Лермонтовъ, и въ который меня посадили, былъ довольно большой комнатою съ однимъ окномъ, выходившимъ на дворъ, но не прямо, а на балкончикъ—въ родѣ галлерейки, окружавшей всѣ флигеля комендантскаго управленія, кромѣ высокаго, мрачнаго зданія напротивъ моего окна; въ этомъ флигелѣ всѣ окна были съ желѣзными рѣшетками. У единственныхъ дверей внизу стояла карета тоже съ окошками, закрытыми рѣшетками. Я глядѣлъ съ любопытствомъ, ожидая, что будетъ. Съ обѣихъ сторонъ отъ дверей экипажа до входа стали рядами солдаты; кого-то высадили и торопливо протолкнули въ дверь. Дверь заперлась, карета уѣхала, и дворъ опустѣлъ.

Никто не ходилъ по этому двору; нигдѣ не было даже признаковъ, что здѣсь люди живутъ. Сумерки сгустились; пошелъ дождь, издали только доносился глухой гулъ городской ѣзды. Но этотъ гулъ казался такимъ далекимъ, точно исходилъ совсѣмъ изъ другого міра.

На сердцѣ у меня сдѣлалось очень тяжело.

Осматриваю свой номеръ. Высокій потолокъ, довольно таки закопѣлый; обои грязные, на нихъ нацарапаны надписи все больше ругательныя; въ углу узкая желѣзная кровать съ тощимъ тюфяч-

комъ и не совѣмъ чистымъ тканьевымъ одѣяломъ. Возлѣ окна простой столъ, выдвинувъ ящикъ котораго я увидѣлъ мириады таракановъ. По бокамъ стола стояли два стула изъ такъ называемой дачной мебели—и больше ничего. Дверь заперта. Въ ней прорѣзано оконце, и вставленъ въ прорѣзь фонарикъ. Фонарикъ зажгли, было уже темно, и свѣтъ его падалъ прямо на изголовье кровати. Плохая лампа, которую усатый и очень грязный солдатъ-служитель поставилъ на столъ, больше чадила, чѣмъ свѣтила.

— Послѣ десяти часовъ вечера мы ее уберемъ,—предупредилъ онъ меня.—Ночью держать огонь строго воспрещено.

За дверями, мѣрно и звучно топая, ходитъ часовой и каждыя десять-пятнадцать минутъ заглядываетъ въ оконце: что дѣлаетъ арестованный и не скрылся ли?

Тишина. Гдѣ-то поблизости переговариваются солдаты, и звенятъ ружья. Тоскливо и даже жутко дѣлается среди тюремнаго безмолвія и мрака, понемногу окутывающаго углы комнаты. Улегся я было спать, но заснуть не могъ.

— Что-то теперь обо мнѣ думаетъ жена? Дозналась ли она, гдѣ я и за что арестованъ?—думая такъ, напрасно жмурилъ я глаза; опасенія не давали успокоиться. Къ тому же проклятый фонарь свѣтилъ прямо въ глаза. Попробовалъ было я закутать голову одѣяломъ—не помогало, да и отъ одѣяла пахло чѣмъ-то сквернымъ. Пришлось отбросить его прочь подальше. Всю первую ночь заключенія я проворочался съ боку на бокъ. Какія-то необыкновенно крупныя блохи кусали меня; странныя, горячечныя мысли лѣзли въ голову; мыши бѣгали галопомъ изъ угла въ уголъ, пищали, дрались... Очевидно, и между ними, какъ между людьми, миръ исключеніе, а война—общее правило. Около полуночи раздался страшный шумъ. Въ коридорѣ слышались ругательства, сдавленные вопли; что-то тяжелое, упиравшееся, волокли... Сосѣдняя дверь отворилась; еще нѣсколько минутъ слышался шумъ, и наконецъ все утихло.

Вскочивъ съ постели, я подбѣжалъ къ оконцу въ дверяхъ, пытаясь заглянуть, и встрѣтилъ фізіономію часового, заглядывавшаго ко мнѣ.

— Что это такое?—спрашиваю.—Кто кричалъ?

Часовой отходитъ, не отвѣчая.

Какъ длинно, бесконечно длинно тянулась ночь!

— Кого это привезли?—думалось мнѣ.—Сопrotивлялся, кричалъ, волокли... Какія драмы совершаются тутъ?

Проходявъ по комнатѣ до утомленія, я отворилъ форточку и высунулъ голову въ окно. На галлереѣ шагахъ въ десяти стоялъ часовой съ ружьемъ.

— Эге, да тутъ крѣпко!—подумалъ я.

Городская ѣзда совѣмъ прекратилась. Это былъ тотъ мертвый часъ, когда притихаетъ и неугомонный Петербургъ. Наконецъ

разсвѣло. Явился служитель-солдатъ и принесъ чайникъ съ кипяткомъ.

— Нельзя ли получить самоваръ? Мнѣ надо купить чая, сахара, булокъ.

— Можно. Его превосходительство все это арестованнымъ разрѣшилъ.

— Кого это привезли сегодня ночью?

— Казака какого-то привезли.

— Кричалъ онъ, волокли его. Ты не знаешь, за что онъ арестованъ?

— Намъ это неизвѣстно. Спросите у полковника плацъ-майора. Они къ вамъ сегодня зайдутъ.

Но плацъ-майоръ ко мнѣ не зашелъ. И вообще во всѣ дни моего пребыванія въ комендантскомъ управленіи я его не видалъ.

Около двѣнадцати часовъ изъ окна увидалъ я мою жену, торопливо бѣжавшую по галлерейкѣ. Послышались голоса: ефрейтора! Зазвенѣли ружья. Кто-то крикнулъ: пропустить! и жена, въ слезахъ, красная отъ испуга, влетѣла въ мою камеру и долго не могла слова сказать отъ волненія. До вечера она не знала, гдѣ я. Въ участкѣ, куда она ходила, г. приставъ не вышелъ, а околоточный заявилъ:

У насъ вашъ супругъ болѣе не содержится.

— Гдѣ же онъ? куда отправленъ?

— Не въ правѣ сообщить. Своевременно васъ увѣдомятъ...

Очень характерно это «своевременно васъ увѣдомятъ», куда дѣвался дорогой вамъ человѣкъ, сказанное женщиной, потерявшей голову отъ отчаянія.

Слушая эти скорбныя повѣствованія, я никакъ тогда не могъ взять въ толкъ, да и теперь не понимаю, зачѣмъ въ участкѣ понадобились всѣ эти таинственности въ дѣлѣ моего ареста.

— Я бы просто не пережила ночи,—говорила мнѣ жена,—не зная, куда тебя увезли. Къ счастью, загадка разъяснилась: заѣхавъ къ сестрѣ Во—битъ, нашла я у нея Катерину Павловну С—кую, двоюродную сестру Ванновскаго (нынѣ уже покойную), нарочно посѣтившую В—битъ, чтобы сказать ей, что племянникъ ея, возвращаясь со службы, передавалъ объ арестѣ редактора «Луча» за диффамацию на семь сутокъ.

Разумѣется, жена сейчасъ же поѣхала въ комендантское управленіе, но былъ уже десятый часъ, и ея не пустили.

Боже мой! сколько тутъ незаслуженной муки и ненужныхъ тревогъ!

Въ этотъ день я кое-какъ устроился въ моемъ заключеніи. Постель, подушки и одѣяло мнѣ доставили изъ дома; за обѣдомъ разрѣшено было посылать въ трактиръ.

— Если прикажете, могу и водки принести. Запрещено это, но для васъ постараюсь,—умильно улыбаясь, предложилъ мнѣ солдатъ-служитель.

— Нѣтъ, не надо. Я водки не пью.

Онъ удивленными глазами посмотрѣлъ на меня.

— А табаку прикажете? Это тоже запрещено, но ничего—пронесу.

— Благодарствуй. Я не курю.

Служитель ушелъ разочарованный.

Въ два часа пополудни пришелъ секретарь редакціи и сообщилъ, что Михаилъ Михайловичъ (С—скій) очень огорчился моимъ арестомъ, хотѣлъ сейчасъ же внести сто рублей, но денегъ не принесли, сказали, что уже теперь поздно...

Еще принесъ онъ мнѣ для просмотра романъ г. Г—це...

Замѣчательно бездарный писака! Ни одной живой сцены на протяженіи ста съ чѣмъ-то листовъ мелко исписанной рукописи.

Присланныя мнѣ книги были пропущены безъ осмотра.

Самое неприятное были формальности, строго соблюдавшіяся при впускѣ посѣтителей: всякій разъ слышались крики: ефрейтора! звенѣли ружья, раздавался откликъ: «пропустить»,—и посѣтитель проскользалъ въ камеру и напуганный и разсерженный.

Въ восемь часовъ всѣ посѣтителы ушли. Я сѣлъ писать.

Весь день двери камеръ не запирались. Арестованные могли посѣщать другъ друга, не выходя впрочемъ изъ коридора, о чемъ мнѣ предупредительно сообщилъ служитель. Но, разумѣется, итти къ незнакомымъ людямъ, занимавшимъ сосѣднія камеры, у меня не было ни малѣйшей охоты.

Незадолго до запора дверей моей камеры послышался стукъ: кто-то забарабанилъ пальцами. Вошелъ высокій, тучный казакъ офицеръ. Это былъ настоящій гигантъ, съ плечами шириною въ косую сажень. На головѣ топорщился цѣлый стогъ черныхъ, включенныхъ волосъ. Красно багровое лицо, большой носъ фіолетоваго оттѣнка и маленькіе воспаленные глаза дополняли портретъ. Говорилъ онъ хрипло, такъ называемымъ пьянымъ басомъ. Гость оглянулъ меня и произнесъ:

— Здравствуйте! вы, господинъ, и будете литераторъ?

— Я редактирую журналъ. Пожалуйста, присядьте.

— Сяду-съ. Не беспокойтесь. Мнѣ такъ и сказали: здѣсь сидитъ литераторъ, я и зашелъ. Погляжу, думаю, какой такой литераторъ? Скучно одному, батенька, торчать въ этой западнѣ.

— Побесѣдуемъ въ такомъ случаѣ.

— Гм!... побесѣдуемъ. А предварительно надо бы того...

Казакъ при этомъ подмигнулъ мнѣ.

— Чего это «того»?

— Водки. Понимаете: водки. Какой, однако, вы не догадливый, а еще литераторъ.

— Нѣтъ у меня водки. Не пью.

— Не пьете?! Да полно скромничать: навѣрное выпиваете?

— Не пью, говорю вамъ.

— Странно, очень странно. Литераторъ—и не пьетъ. Мнѣ сказывали: всѣ литераторы пьютъ, не хуже нашего брата военнаго.

Казакъ, молча, просидѣлъ съ минуту и, улыбаясь, дружески трепля меня по колѣнѣ, сказалъ:

— Пошлите за водкою.

— Не могу. Это запрещено. Отчего вы сами не пошлете?

— Приказано строго-настрого мнѣ не давать водки. Такъ я ничего—человѣкъ, а какъ выпью—буянню. Не пить, иначе, мнѣ невозможно. Подъ грудью вотъ тутъ сосетъ. Змѣй водочный у меня и сосетъ за сердце.

— Какіе пустяки вы рассказываете!

— Вы не вѣрите? Ну, да вы—литераторъ. Литераторы, сказываютъ, и въ Бога не вѣруютъ.

— За что вы попали сюда?—спрашиваю.

— А чортъ ихъ знаетъ, за что посадили?

— Это васъ привезли вчера, въ третьемъ часу ночи? Еще шумъ былъ...

— Коли шумъ былъ, значитъ—меня. А за что арестовали, вамъ не скажу. Поѣхалъ я гулять за городъ. Ну, всеконечно, пили и шумѣли. Какого-то штафирку я точно билъ, полицейскому тоже досталось — не суйся. А дальше, что случилось не упомяну. Сегодня просыпаюсь: ба! знакомое мѣсто. Я уже тутъ разъ сидѣлъ. Чувствую: во рту точно эскадронъ ночевалъ—мерзостно и засосало. Водки бы выпить. Мнѣ и говорятъ: рядомъ литераторъ сидитъ. У него навѣрное водка есть.

Я и пришелъ къ вамъ.

— Очень жаль, но водки у меня нѣтъ.

— Такъ таки совсѣмъ нѣтъ?

— Такъ таки совсѣмъ нѣтъ.

— И не спосылаете за водкою? Видите: главное денегъ у меня нѣтъ, но когда я выйду—не сомнѣвайтесь, щедро вознагражу васъ. Слово честнаго офицера.

Казакъ порядочно начиналъ надоѣдать мнѣ.

— Не въ деньгахъ, говорю, дѣло. Но не могу я способствовать покупкѣ вина. Вотъ вы сами сознаетесь: какъ выпьете, можете буяннить. Я попаду въ отвѣтъ.

— Странно, очень странно и даже не благородно,—въ раздумѣ проговорилъ казакъ и поднялся уходить.

— Куда же вы?

— А водки не будетъ?

— Нѣтъ, водки не будетъ. Чаю, если хотите, велю подать?

— Безъ рому вашъ чай?

— Безъ рому, съ булками.

Казакъ плюнулъ съ презрѣніемъ и, не поклонившись, вышелъ.

IV.

Страшная тоска овладѣваетъ мною. Особенно невыносимо долго тянутся вечера. Читать трудно при свѣтѣ казенной лампы, да и ту въ десять часовъ уносятъ. Камера освѣщается только лампочкою, поставленной въ прорѣзи дверей. Какъ тутъ читать?

Чтобы убить время, ходишь въ полумракѣ изъ угла въ уголъ, до тѣхъ поръ ходишь, пока наконецъ теряешь представление о времени и мѣстѣ, въ которомъ находишься. Въ головѣ какой-то хаосъ. Событія жизни проходятъ безконечною, пестрою вереницею. Я ли, не я ли во всемъ этомъ участвовалъ? Какъ будто и не я... кто-то другой. Мучительно, до слезъ болѣзненно желается вернуть это прошлое. Гдѣ теперь затерянные, погибшіе, близкіе сердцу люди? Чаще всего я раздумываю о событіяхъ 1863 года и о моемъ участіи въ этихъ событіяхъ. Тогда было за что попасть въ одиночную камеру, однако вотъ не попалъ. А теперь—чортъ знаетъ за что—сiju. Бутурлинъ уволенъ, значитъ, я писалъ про него правдиво; жуиръ Спер—скій пожалѣлъ ста рублей, и меня засадили.

— Напиться развѣ?—приходило мнѣ не разъ въ голову въ тяжелые часы моихъ ночныхъ томленій.—Напиться и заснуть. Проклятая лампочка въ дверяхъ, выжигающая глаза, тогда пьяному не помѣшаетъ спать. Служитель-солдатъ мигомъ доставить водку. Казаку онъ таки доставилъ живительную влагу и взялъ съ него, за немѣнѣемъ у казака наличныхъ, расписку. Напиться развѣ?

Я, однако, устоялъ отъ соблазна.

Днемъ въ камеру зашелъ ко мнѣ котъ, большой, толстый сѣрый Васька. Какъ я обрадовался и приласкалъ его! Все же товарищъ молчаливый, ласковый... Чего еще? Оставилъ кота ночевать; думалъ: напугаетъ мышей. Ничуть не бывало: мурлыча, онъ проспалъ всю ночь на столѣ, а мыши продолжали эскадронами бѣгать по камерѣ. Онѣ пищали, топали, дрались и добирались до остатковъ сѣстного, а жирный Васька, равнодушный ко всему, только изрѣдка открывалъ свои желтые глаза; прослѣдить лѣниво за убѣгающею мышью и снова невозмутимо дремлетъ.

Подражая его благоразумію, я тоже рѣшилъ быть равнодушнымъ ко всему и ждать терпѣливо исхода роковой недѣли ареста.

Кажется, на четвертый день заключенія, вставъ поутру, увидѣлъ я, что солнце ярко свѣтило въ окно; виднѣется синее небо, и гулъ жизни большого города ясно доносится чрезъ открытую форточку. Захотѣлось, мучительно захотѣлось глотка свѣжаго воздуха. Подумалъ: отчего бы мнѣ могли отказать въ разрѣшеніи выйти погулять, хотя бы только на галлерейку? Надо попробовать попроситься.

Написалъ письмо на имя коменданта и передалъ служителю для передачи. Отвѣтъ пришелъ не милостивый: нельзя допускать

арестованныхъ гулять по галлереѣ... Пусть литераторъ сидитъ въ камерѣ и глупостей не выдумываетъ.

— Такъ и сказали: пусть глупостей не выдумываетъ?—спрашиваю.

— Такъ и сказать изволили, а письмо разорвали.

Какія же это глупости—пожелать глотокъ чистаго воздуха?

На пятый день зашелъ самъ генералъ А—онъ, высокій, сухощавый, очень благообразный, но очевидно чѣмъ-то возстановленный противъ литературы вообще, а, можетъ быть, и противъ меня специально. Войдя, онъ не поклонился, а, продолжая начатый разговоръ, осмотрѣлъ камеру и проговорилъ:

— Просторъ, чистота, воздуху много... Чего еще захотѣлось? Какія тутъ прогулки? Коли засадили—и отсиди. Не правда ли?

Сопровождавшій генерала офицеръ подтвердилъ:

— Точно такъ, ваше превосходительство.

Очевидно, вся эта реплика относилась къ моей просьбѣ: позволить прогулку по галлереѣ.

Собираясь уходить, А—нъ подмигнулъ мнѣ насмѣшливо и спросилъ:

— А что, господинъ литераторъ, довольны вы здѣсь, въ комендантскомъ управленіи, своимъ мѣстомъ?

— Доволенъ, отвѣчаю. Но все же не настолько, насколько ваше превосходительство довольны здѣсь своимъ.

Лицо генерала покрылось краскою. Онъ произнесъ нѣсколько разъ: а! а! и ушелъ.

Больше этого начальства я уже не видалъ. Ночью приѣзжало и осматривало камеры заключенныхъ другое начальство. Кто такой приѣзжалъ—не могъ дознаться. Со свитою нѣсколькихъ человѣкъ начальство это ходило по камерамъ, дошло до моей двери.

— Тутъ кто сидитъ?—послышался громкій вопросъ.

Послѣдовалъ докладъ вполголоса:

— Литераторъ за пасквили...

Еще что-то было добавлено къ моему кондуктному списку.

— А ну его къ чорту!—проговорилъ сердитый голосъ. И начальство меня не посѣтило.

Самое тяжелое время для меня были седьмыя сутки. Ахъ, какъ хотѣлось вырваться поскорѣе! Вѣроятно, за мой нелюбезный отвѣтъ А—нъ не разрѣшилъ въ этотъ день допустить ко мнѣ посѣтителей: ни жена, ни секретарь не явились. Прошелъ часъ свиданій—и никого. Сердце защемила тоска. Спрашиваю служителя о причинѣ. Наклоняется къ уху и конфиденціально сообщаетъ.

— Разсердили вы генерала. Не приказалъ къ вамъ пущать съ воли... И за обѣдомъ тоже не велѣно ходить. Пусть литераторъ, говорилъ мнѣ генералъ, ѣстъ, что даютъ другимъ. Не велика птица.

Но обѣдъ, хотя и вечеромъ, былъ мнѣ, однако, доставленъ.

Медленно тянулся день. Мнѣ вспомнилось выраженіе поэта: день потерялъ свой конецъ... Да, по временамъ казалось, что и мой послѣдній день заключенія навѣрное потерялъ свой конецъ. Прочелъ всѣ газеты, даже иностранные отдѣлы ихъ, отъ доски до доски; прочелъ корреспонденціи, въ которыхъ обличались разные думскіе и земскіе дѣятели разныхъ Царевосанчурсковъ и Нахичеваней, проштудировалъ фельетонъ Буренина, избивающаго литературныхъ младенцевъ,—и вдругъ мнѣ пришло въ голову: не сидѣлъ ли онъ когда либо въ одиночномъ заключеніи, и не отъ того ли такъ озлобленъ талантливый писатель?

Я самъ чувствовалъ такіе приливы злости, какихъ не ощущалъ ни прежде, ни послѣ во всю мою жизнь.

Опять зашелъ казакъ. Онъ оказался немного подъ шофе. Не то, чтобъ очень пьянъ, а такъ—веселъ безконечно... Съ нимъ при- тащился какой-то субъектъ, тоже, должно быть, военный и тоже не совсѣмъ трезвый.

— Литераторъ, хотите, сыграемъ въ карты?—предложилъ казакъ.

— Въ карты? да развѣ здѣсь можно? И картъ нѣтъ.

— Эге! поглядите-ка: а это что?

И казакъ вытащилъ колоду картъ изъ кармана своихъ ниро- чайшихъ шароваръ.

Но я отъ игры съ пьяными рѣшительно отказался.

— Начальство узнаетъ,—говорю.—Нельзя.

— И пусть узнаетъ. Что оно, напримѣръ, со мною сдѣлаетъ? Отберетъ карты... наплевать: другія достанемъ. Спросить у меня, кто передалъ карты. Отвѣчу: ангелъ ночью принесъ, сжалился надъ скучающимъ человѣкомъ... Можетъ, не вѣришь, а мнѣ опять одно: наплевать. Скука сидѣть такъ-то, голубчикъ литераторъ. И что это за кара такая, этотъ арестъ: поскучай и только. Ну, я поскучаю и опять за прежнее, чтобы прогнать скуку. Водки мы добыли вотъ съ нимъ... Это—Васюкъ...

Казакъ ткнулъ при этомъ пальцемъ въ грудь своего товарища и продолжалъ:

— Рекомендую: отличный человѣкъ. Васюкъ сидитъ здѣсь уже третій мѣсяцъ. Тамъ у него въ казенномъ сундукѣ недочетъ оказался... мыши завелись. Вы не вѣрите, что бы мыши могли пере- грызть билеты? Какъ честный офицеръ, ручаюсь: могли.

Пьяный казакъ при этомъ выпучилъ на меня свои глаза. Еще минута, и онъ впалъ бы въ азартъ. Но, къ счастью, этого не слу- чилось.

— Играемъ что ли? Штосикъ заложу, или вы, пожалуй, закла- дывайте. Васюкъ свирѣпо понтируетъ.

— Не буду играть. Никогда не игралъ.

— Попробуйте. Начинаящимъ всегда чортовски везетъ. Ну, голубчикъ, не упрямясь: закладывай маленькій банчишка—такъ отъ скуки, рубликовъ пятокъ... Знаю: деньги имѣете. А?

— Отъ скуки я дамъ вамъ книгъ. Читайте.

— Читать! это ваши сказки-то читать? Много благодаренъ.

Въ голосъ говорившаго послышалась даже нотка обиды.

— Я и въ школѣ читать не любилъ, а теперь... Ну, ихъ къ чорту, ваши книги! Такъ что ли, Васюкъ?

Васюкъ подтвердилъ, что это именно такъ.

Посѣтители ушли.

Стемнѣло. Лампы долго не подавали. Ходилъ, думалъ и злился. Вечеромъ попробовалъ читать, писать, даже стихи пытался сочинять—и все не удавалось.

— И какъ вы, баринъ, мучитесь!—пожалѣлъ меня служитель.— Угроздило же васъ попасть въ комендантское! На гауптвахтѣ много вольготнѣй.

— Чѣмъ же тамъ вольготнѣй?

— Помилуйте: общество есть. Здѣсь вѣдь какіе сидятъ? Сами видѣли. А тамъ за легкія провинности все больше посажены. Потомъ—караульный офицеръ, благородный баринъ... За чѣмъ хотите спсылать можно, а у насъ—строгости.

— Водку казаку ты, однако, проносишь.

Онъ засмѣялся.

— Никакъ ему невозможно безъ водки. Привыкъ съ младенчества, можно сказать. Змѣй водочный у него внутри, самъ сказывалъ. И бѣда, коли не дать ему выпить. Заболѣетъ такой, сразу заболѣетъ. Въ чахотку вдарится, какой ни на есть здоровенный. Табакъ опять же... Безъ этого зелья, кто привыкъ, не вытерпитъ. Вотъ даже тѣмъ табакъ потихоньку проносятъ...

И солдатъ указалъ на корпусъ напротивъ, окна котораго были съ желѣзными рѣшетками.

— Кто тамъ сидитъ?—спрашиваю.

— Подслѣдственные тамъ сидятъ. За важныя провинности посажены. Вотъ вы томитесь. Семь дней—не великъ срокъ. И что у насъ за строгости? А тамъ такъ строгонько. Не приведи Господь и попасть...

Я долго смотрѣлъ на окна таинственнаго корпуса. Вездѣ было темно, только въ одномъ верхнемъ окошкѣ мерцалъ огонекъ. Сквозь частую рѣшетку мнѣ померещилась даже чья-то тѣнь.

— Кто тамъ сидитъ?—думалось.—Сидитъ и томится и смотреть на огонекъ моей лампы, какъ я смотрю на его огонекъ. Меня завтра выпустятъ, а онъ останется... У него навѣрное есть близкіе: жена, дѣти, любимая-особа, и отъ всего-то онъ отрѣзанъ. Сидитъ и, когда освободится,—не вѣдаетъ.

Страшное положеніе.

Въ наши дни въ модѣ тенденція упразднить всѣ наказанія, кромѣ тюремнаго заключенія. И это якобы вызвано гуманностію. Да развѣ тюрьма — гуманна? Какъ ее ни облагораживай, все же

тюрьма. Негра какъ ни мой, бѣлымъ не будетъ. Такова и тюрьма. Немного въ ней гуманности. По мнѣ, одиночное заключеніе для развитого, мыслящаго человѣка—самое ужасное, самое безчеловѣчное наказаніе. Въ благоустроенной тюрьмѣ даже спать не дозволяютъ больше положеннаго. Вредно!—говорятъ. А думать, думать и не имѣть права забыться во снѣ—это развѣ не вредно?!

Сопоставимъ смертную казнь и долговременное одиночное заключеніе. Смертная казнь легче. Смерть—ужасное мгновеніе; тюрьма—ужасные годы. Каторга, работы въ шахтахъ—и одиночная камера. И тутъ каторжная казарма является степенью легче. Каторжниковъ только за провинности сажаютъ въ одиночную камеру. Прочтите «Мертвый домъ» Достоевскаго... А наши юристы вообразили, что они весьма милосердны, осуждая человѣка сидѣть мѣсяцы, годы одиноко со своими мыслями. Тюрьма, арестъ для крестьянина, простого человѣка тяжелѣе розогъ и гораздо болѣе деморализируютъ. Тюрьма приучаетъ его, рабочаго человѣка, ничего не дѣлать. Тѣлесное наказаніе, не спорю, унижаетъ. Но тюрьма накладываетъ несмываемое пятно.

Всю ночь мнѣ опять не удалось уснуть.

Отъ скуки сталъ слѣдить за крысами.

Онѣ очень смѣлы. Когда я нахожусь въ дальнемъ углу, безцеремонно влѣзаютъ на столъ, грызутъ хлѣбъ и прочее. Вотъ взобралась большая, толстая, старая крыса. Шерсть на ней вылѣзла мѣстами, очень безобразна, но глаза умные, зорко смотрятъ. Я не двигаюсь, и она послѣ небольшого колебанія рѣшаетъ: опасности нѣтъ, можно заняться ѣдой. Грызетъ... Приостановится, посмотритъ на меня и опять грызетъ. Голодна... За старой крысой взобрались мышата. Пискъ, драка изъ-за добычи. Одинъ мышонокъ укушенный свалился и долго, жалобно пищалъ. Еще и еще появляются крысы и мышата. И сколько же ихъ! Грызутъ, что подвернется, съ ожесточеніемъ.

Прошла ночь. Наступило утро. До освобожденія остается всего нѣсколько часовъ. Принесли газеты... Богъ съ ними: даже строкъ не разбираю.

— Кушайте, баринъ, чай. Съ освобожденіемъ поздравляю,—говоритъ служитель.

Но чай остается не тронутымъ: не до него. Сердце бьется усиленно; слѣжу за стрѣлкою часовъ: какъ будто и не подвигается. Даю солдату рубль и велю сбѣгать узнать, нѣтъ ли кого, ожидающаго меня въ приемной.

— Нѣтъ, говоритъ, никого нѣтъ.

Значитъ, еще рано. Просовываетъ голову казакъ.

— А вы на свободу?—спрашиваетъ.

— Да, сегодня срокъ.

— Поздравляю. Мнѣ выходить на волю еще не скоро. Одолжи, литераторъ, рубликовъ пятокъ.

Даю съ охотою.

— Возвратить обѣщаюсь: порукою слово, какъ честный офицеръ. За казакомъ приходитъ несчастный Васюкъ.

Онъ не рѣшается просить, но глядитъ такъ жалобно.

— Не осталось ли у васъ неравно табаку или чаю, сахару? Уступите человѣку въ несчастіи.

Даю ему все, что онъ просить, и вдобавокъ три рубля.

Служитель солдатъ очень обиженъ. Все это онъ считалъ своею неотъемлемою добычею. Но онъ свободенъ и зарабатываетъ, «пронося» запрещенное, они—узники. Кто бы они ни были, какіе бы ни были плохіе люди,—узники стоятъ сочувствія.

Бьетъ двѣнадцать.

Я совсѣмъ готовъ, одѣтъ и жду.

Звенятъ ружья, слышится знакомое: «ефрейтора! пропустить»,—и я въ пріемной.

Жена вывела меня на улицу. Дождикъ, вѣтеръ, сумрачно, недовольная толпа прохожихъ; но я не хочу сѣсть на извозчика, не хочу ѣхать домой; иду пѣшкомъ и не вправо къ Симеоновскому мосту, а на Невскій.

Страстно хочется пройтись на волѣ.

Да, господа, тюрьма—жестокое наказаніе.

С. С. Окрейцъ.

